

Дверь распахнулась, и в комнату ворвался шквал эмоций. "Вот! Доволен теперь, отец? Это ипотека на дом Анрёна!" – крикнула Наньсунь, с силой бросив банковскую карточку брата на стол. Слезы хлынули из глаз. Дай Инь, сидевшая за столом, лишь испуганно вздрогнула и продолжила молча есть. Бабушка Цзян, на мгновение застыв, яростно уставилась на сына. Голова Цзян Пэнфэя едва не опустилась на стол, словно у него сил не осталось даже держать голову. Няня, с озадаченным видом наблюдая за бурей эмоций, поняла, что эта беда нависла над семьей. Бабушка Цзян, глава семьи, не произнесла ни слова, как будто была застывшей фигурой. Безмолвие давило, и няня, сняв фартук, покинула дом. "Ты загнал нас в пропасть, папа! Ты все испортил своим легкомыслием! Мама, тебя тоже винить за равнодушие! А я..." – кричала Наньсунь, ее слова больно били в тишину. Лицо Цзян Пэнфэя покраснело, он вытер слезы. "Моя вина, моя вина... Прости, простите меня..." – бормотал он сквозь рыдания. "Папа, кому ты должен деньги и сколько всего?" – успокоившись, спросила Наньсунь, пристально глядя на отца. Цзян Пэнфэй, бормотал, как загнанный зверь: "Не много, вот, хватит... хватит". "Хорошо! Будь честнее!" – закричала Наньсунь – и, не выдержав, выбежала из дома, унося с собой боль. Она ехала на такси до своего дома в Санлине, на окраине города. Оказавшись в руках Анрёна, она разрыдалась. "Прости меня, Анрен...", – повторяла она, настойчиво целуя его. Обнимая Наньсунь, Анрен с тревогой спросил: "Сколько у дяди Цзян осталось денег?" "Он сказал, что хватит", – ответила Наньсунь, хоть и злилась на отца, но утешалась его словами. "Наньсунь, я ведь просил тебя самой поговорить с кредиторами..." – вздохнул Анрен. "Как? Ты хочешь сказать...?" – Наньсунь широко раскрыла глаза, испуганная догадкой. Анрен молча покачал головой. "Возможно, все не так просто..." – прошептал он. "Не просто... Мне так жаль тебя!", – обнимая его, повторяла Наньсунь. Ей было сложно что-либо понять. Анрен же, уже знающий жизнь лучше, понимал, что все только начинается. У Цзян Пэнфэя, получившего деньги, зрела новая идея. "Ещё один шанс!" – решил он и, не раздумывая, снова вложил их в акции. Рынок не успокоился. Цзян Пэнфэй, в спешке, снова сделал ставку и добавил плечо. Всего за несколько дней торгов, он потерял практически все. С сердцем, кровоточащим от боли, он снова продал все акции и обналичил оставшуюся мелочь. Прошло несколько дней. Цзян Пэнфэй, с ужасом наблюдая, как рынок резко пошел вверх, закрылся в туалете и, сдерживая крики, несколько раз ударил себя по лицу. С тусклым взглядом он бродил вдоль пешеходной дорожки по берегу реки Хуанпу. Он смотрел на мутную воду, на мгновение подумал о том, чтобы прыгнуть. Но смутный страх, что его унесет течение, остановил его. "Вернуться домой? Как смотреть в глаза матери, жене, дочери, а особенно – Анрену?.." – неловкость, стыд и отчаяние сковали его. Он решил скрываться от долгов и перестал выходить из дома. Его исчезновение наполнило семью тревогой, а кредиторов – гневом. Они стали приходить домой, требуя денег. Бабушка Цзян, Дай Инь и оставшаяся в доме Суосуо были в отчаянии. Суосуо, не выдержав, переехала к Ян Ке. Дай Инь не могла справиться с такой огромной суммой долгов. Бабушка Цзян, несмотря на желание помочь сыну, была бессильна – у нее не было денег. Наньсунь, получив вест от родных, почувствовала себя виноватой. Она рассказала Анрену правду и, со слезами на глазах, сказала: "Прости, Анрен... Я не послушалась, папа... Он взял деньги и пропал". Анрен, обнимая ее, успокаивал: "Все в порядке... Ваша семья уже переживала это, нужно просто потерпеть..." Они вместе вернулись в дом Цзян, и увидели Дай Инь, пытающуюся спасти хоть что-то: "У меня осталось двести тысяч, делите их между собой..." – сказала она, обращаясь к кредиторам, – "А остальное вам придется ждать, пока вернется Цзян Пэнфэй!". Кредиторы, хоть и временно ушли, но проблема с долгами семьи Цзян только разрасталась. К дому стали приходить новые кредиторы, их число неумолимо росло. Бабушка Цзян, бывшая жесткой и справедливой, в этой ситуации была бессильна. Ее сын, просивший у нее деньги, превратился в эгоистичного и не способного нести ответственность человека. Постепенно она узнала правду о долгах сына. Сначала было два миллиона, затем пять, десять, а затем десятки миллионов... Узнав о таких колоссальных суммах, бабушка Цзян, Дай Инь и Наньсунь опустились на диван в полном отчаянии. Цзян Пэнфэй похож был не на вернувшегося домой человека, а на вора, что прокрался в дом под

покровом ночи, чтобы избежать встречи с кредиторами. Опустившись на колени перед матерью, он заплакал: "Мама, прости, прости меня... ". Это было искреннее раскаяние, но оно пришло слишком поздно. "Кредиторы не отстают, нам нужно уезжать, – холодно сказала Наньсунь, – Анрен предложил нам пожить у него". "Где он живет? Разве не говорил, что квартира маленькая?" – с сомнением спросила бабушка Цзян. Наньсунь, горько улынувшись, ответила: "Бабушка, место там достаточно, но скоро это будет не наше". Бабушка Цзян посмотрела на нее, затем на своего сына, что стоял на коленях перед ней. "Все в порядке, – мягко ответила она, погладив его по плечу – хорошо, что будете жить у Анрена, хорошо". Собрал небольшой багаж, они сели в такси и поехали в Санлин, на окраину города, где жил Анрен. Осмотревшись вокруг, Цзян Пэнфэй покраснел от стыда. Еще недавно он высокомерно презрительно отзывался о месте жительства Анрена: "Слишком далеко!". А теперь он сам переехал сюда в бедности и потерял ипотеку на эту квартиру. Бабушка Цзян, Наньсунь и Дай Инь поселились в квартире рядом, а Цзян Пэнфэй, смущаясь, остался жить с Анреном. Он не мог уснуть ночью. Цзян Пэнфэй сидел на диване в гостиной, склонив голову на руки. "Дядя Цзян, сколько у вас долгов?" – спросил Анрен, садясь рядом с ним. Цзян Пэнфэй махнул рукой, не хотя отвечать: "Не много, не много". Затем он решил продать дом, что был символом его былой славы. Продажа дома, стоимостью в десятки миллионов, не смогла покрыть все долги. У него все еще остались миллионы долгов. Он понял, что прошел через ад, и чувствовал себя так, словно у него сердце рвали на куски. Некоторые долги ему простили. Он стал держаться сдержаннее, чем раньше. Однажды он остался наедине со своей старой матерью. Он держал ее за ноги и, смотря на нее с нежностью, сказал: "Мама, это я причинил тебе и всем нам столько боли". "Все в порядке, все уже прошло", – ответила бабушка Цзян. Она жалела сына, но понимала, что утраченное никогда не вернется, и не имело смысла временить о нем. Бабушка Цзян была крепка духом, а Цзян Пэнфэй все еще страдал от самоуколов. Дай Инь, всегда держившаяся холодно, теперь испытывала глубокую печаль и негодование. Она отдала ему свою любовь, вытерпела его холод, но он все испортил. Цзян Пэнфэй пытался успокоиться и делать вид, что все в порядке. В это послеобеденное время, они все вместе пообедали и немного отдохнули. Цзян Пэнфэй, услышав, как его мать ходит по гостиной, вышел ее сопровождать. "Мама, я виноват перед тобой, перед семьей, – ответил он, стараясь улыбаться – но теперь все будет хорошо, не переживай".